

Иерей Александр Ильяшенко

Дух века сего

*Еще раз
об экуменизме*

Москва

2003

Экуменизм — одно из самых спорных религиозных понятий, горячо обсуждаемых ныне в Православной Церкви. В его оценке присутствуют полярные, взаимоисключающие мнения. Одни именуют экуменизм ересью, самой страшной из всех ересей за всю историю Церкви. Другие дают ему положительную оценку и, ссылаясь на евангельский текст, утверждают, что именно экуменическое стремление к единству религий имел в виду Спаситель, когда говорил: *Да будут все едино* (Евангелие от Иоанна 17:21).

Проблема экуменизма тесным образом связана и с темой глобализации, охватившей все стороны жизни мирового сообщества: политическую, экономическую, общественную и культурную.

Настоящее интервью священника Александра Ильяшенко впервые было опубликовано в журнале «Русский предприниматель» № 1, за 2002 год, беседу вел Петр Малков. Этот журнал, отличающийся хорошим подбором материалов, всегда незаурядных и интересных, написанных живым, доступным языком, уже не первый раз публикует работы о. Александра, а так же другие статьи о жизни Православной Церкви и религиозных проблемах современного общества.

«Все боги язычников — бесы»

— *Тема нашего сегодняшнего разговора — экуменизм и его место в современном мире. Что же означает само слово «экуменизм»?*

— *Понятие «экуменизм» происходит от греческого слова «ойкумена», что означает «обитаемая вселенная».*

После своего возникновения христианство, благодаря его необыкновенной духовной красоте и правде, а главное помощи Божией, сумело победить язычество и покорить величайшую Римскую Империю. Эту Империю можно, наверное, сравнить с современными США — такая же огромная и все подавляющая. Проповедь апостолов оказалась сильнее языческой культуры, идеологии, религии. Вскоре после своего возникновения христианство стало в полном смысле слова «экуменической», то есть всемирной, вселенской религией, далеко выходящей за границы Империи. Сегодня христианство распространено уже по всему земному шару, но, к сожалению, оно — далеко не единственная религия в мире.

— Но мы знаем об экуменизме и в ином его значении: как либеральном диалоге религий, как относительном признании истинности и иных духовных путей и верований, помимо христианского. С таким экуменизмом Церковь столкнулась уже в первые дни существования. По сути, вся религиозная жизнь Римской Империи была экуменической.

— Да, действительно, древним христианам, первым мученикам предлагался экуменизм как раз в нашем нынешнем современном значении. В камерах пыток от них чаще всего требовали не отказаться от Христа, но признать, что все религии более или менее равноправны. Ведь в представлении римского гражданина Империя стоит

выше любых частных интересов, она объединяет не только народы и их культуры, но и веры всех ее народов. И христианству предлагалось войти наряду — и на равных условиях — с языческими религиями. Для христиан же это было совершенно исключено, потому что, как говорит Священное Писание, *все божество языческих народов бесы* (Псалом 95, 5), то есть все боги языческих народов бесы.

Представления Империи о Божестве были искаженными, искажены они и в наше время — настолько, что приводят своих адвокатов к весьма тяжелым духовным последствиям. Во многих религиях даже сейчас, как и в древности, совершаются кровавые и даже человеческие жертвоприношения. У всех на памяти недавняя мученическая гибель трех монахов Оптиной пустыни: они были именно принесены в жертву. На поразившем их клинке было отчеканено число шестьсот шестьдесят шесть. Это совсем не случайно. И хотя нас пытаются убедить, что убийца был одиночкой, это попросту несерьезно.

Бог по имени «комфорт»

— Когда христиане говорят о том, что они могут противопоставить всему этому напору и накалу зла свое учение — как абсолютную Истину, которая есть Христос,— их обвиняют в недемократичности, нелиберальности, несовременности. Их обвиняют в том, что они слишком сужают взгляд на мир, упорствуют в своей

«пещерной» дикости и вообще безнадежно отстали от жизни. И вот этой-то их «узкой» истине как раз и противопоставляется экуменизм... Как же все-таки охарактеризовать экуменизм в его современном значении?

— Во-первых, о «недемократичности». Слово «демократия» (от греческого — «демос» народ и «кратео» — держу в своей власти, управляю) означает власть народа. В древности демократическая форма правления не мыслилась без подлинного, горячего патриотизма; защита Родины считалась славным и почетным делом. Ныне же слово «демократия» чаще всего употребляется в противоположном смысле. Для сегодняшних российских демократов быть патриотом ретроградно. Однако в подлинном его значении слово «демократия» нельзя употреблять по отношению к обществу, выступающему против патриотизма. Поэтому общество, в котором мы живем, следует называть псевдodemократическим, подобно многим современным псевдodemократиям Европы и мира.

«Кто здесь настолько гнусен, что не хочет любить свое Отечество? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Я жду ответа», — так устами одного из своих героев Шекспир обличал тех, кто материальную выгоду, свои шкурные интересы ставил выше таких идеалов, как любовь и верность Родине.

Теперь о самом экуменизме. Он очень далек от тех идеалов, что проповедует христианство.

Современная цивилизация — а экуменизм одно из характерных ее проявлений — объявила безусловной ценностью удобство жизни. Я бы сказал, что современное общество глубоко религиозно. Оно поклоняется божку, имя которому — «комфорт». Ради этого комфорта сегодня можно идти на преступления, на сделки с совестью, можно отгораживаться от реальной жизни стеной равнодушия — лишь бы было комфортно. Стираются все нравственные границы, происходит деградация культуры, потому что настоящая культура — это не только стремление к красоте, не только некие идеалы, но и очень строгий набор запретов.

В культуру всегда входили определенные «табу»: это нельзя потому, что нельзя! Такие запреты вырабатываются на основе исторического опыта сотен поколений и достижений лучших людей. Многие из древних античных героев и христианских подвижников не переступали эти нравственные запреты даже ценой собственной жизни: пусть меня убивают, казнят, но я все равно не совершу того, что мне навязывается. А современная цивилизация, и в том числе экуменизм, размывает все запреты. Если каким-либо дикарям удобно и привычно совершать их языческие обряды с человеческими жертвоприношениями, то на эту жестокость наша псевдodemократическая цивилизация попросту закрывает глаза. Экуменизм исходит из того, что все веры равноправны. Я, мол, — свободный человек, и житель той страны, где практикуются

подобные культы,— тоже свободный человек. Я имею право верить так, а он — иначе. Моя вера ничуть не лучше, чем его вера. Какое я имею право навязывать ему свою веру, ведь это недемократично. Но тогда то же самое можно сказать и о преступнике: какое я имею право навязывать ему свой стиль поведения, если он хочет убивать, то пусть убивает. Ведь он же свободный человек свободной страны.

И вот в такое движение, которое сознательно стремится размыть всякие нравственные границы, пытаются вовлечь и православных христиан. Наша же вера включает очень много твердых Божественных запретов. «Не убий», «не прелюбодействуй». Но «современный» взгляд на эти нравственные запреты — иной, и чаще всего — противоположный.

— Однако размываются не только нравственные границы, но и границы религиозного вероисповедания. Размываются границы учения о том, в КОГО мы верим...

— Да, современный демократизм переносится и на небесную сферу. Чем этот божок хуже того божка? Чем Перун лучше Тора или хуже? Или чем Христос лучше Будды? Они все — как бы на равных. И здесь христианство очень твердо, невзирая на насмешки и обвинения в ретроградности, отсталости, узколобости и отсутствии демократичности, стоит на исповедании своей принципиальной исключительности. Потому

что есть Откровение, хранимое Православной Церковью, о том, что живой Бог действительно пришел на землю и стал человеком, чтобы спасти человечество, исцелить пораженную грехом человеческую природу, чтобы явить миру образец совершенства, образец духовной красоты, святости. Этот образец бесконечно совершенен, потому что Сам Бог бесконечен. И вот к этому бесконечному идеалу и призван каждый человек. Он должен стремиться к этой непостижимой Божественной красоте, а как раз ее и являет христианство. От этого высочайшего призвания Православная Церковь отказаться не может: иначе она неизбежно отречется от Бога, от самой себя.

— Тут встает еще и такой вопрос: а кого почитают представители других религий? Часто говорят, что Бог живет в сердце, что в разных религиях Бог является в разных образах и обликах, но что Он тем не менее один и тот же для всех верований. В связи с этим как Православная Церковь может ответить, например, на такие утверждения, что Будда, мол, это лишь иной образ Пресвятой Троицы или что Иисус Христос — то же самое, что и Кришна?

— Когда утверждают, что Бог является в разных Своих образах, в различных воплощениях во всех религиях, тем самым принимается индуистская философия. Здесь на вооружение берется не христианское вероучение, а страшное по своей духовной сути языческое вероисповедание.

Если мы утверждаем, что Бог Един, то мы исповедуем ту истину, на которой стоит христианство: мы веруем в Единого Бога. Но если мы скажем: Бог един во всех религиях, то эта вторая часть фразы опрокинет первую. Потому что какое единство может быть у нас, православных христиан, с теми религиями, в которых, например, совершается ритуальный блуд в так называемых фаллических культах? А ритуальные убийства? Или когда, чтобы прийти в возбужденное духовное состояние, используются наркотики, психотропные, пусть и природные, вещества? Когда приходящий в подобное исступленное состояние человек начинает нечто вещать, а присутствующие при этом думают, что слышат откровение некоего божества? Какого? Вероятно, того, о котором Библия говорит (повторю это вновь): *бози язык бесове*.

Как-то в середине девяностых годов я увидел на улице нескольких проповедников с динамиком, которые, пританцовывая и в такт прихлопывая руками под современную ритмическую музыку, нараспев возглашали: *Где Дух Божий, там свобода*. Эти слова принадлежат апостолу Павлу (2-е Послание к Коринфянам 3;17) и отражают духовную реальность: где Дух Божий, там и свобода. Вокруг собирался народ, смотрел, кто-то тоже начинал приплясывать и прихлопывать. А я остановился и подумал: так-то оно так, но разве здесь присутствует Дух Божий? Очевидно, что нет.

Глобализация: на пути к «новому мировому порядку»

— Еще одна актуальная тема — экуменизм и глобализация. Нам сегодня говорят: нужно стереть границы стран и континентов, нужно объединить мир через единую валюту, прозрачную экономику, нужно жить единым человечеством. Зачем иметь разделения в идеологии, во взглядах на общемировые проблемы? И в данном случае экуменизм становится одним из элементов всеобщей глобализации.

Мало того, он оказывается достаточно мощным оружием «нового мирового порядка». Сейчас это словосочетание используется очень широко. Людям старшего поколения памятно, что «новый мировой порядок» — это то, что несла народам фашистская Германия. И я беру на себя смелость утверждать, что между тем «порядком» и этим, грядущим, существует прямое родство. Экуменизм является одним из мощных идеологических средств установления глобального «мирового порядка». Стирание любых границ и граней — религиозных, национальных, идеологических — приводит к утрате самобытности, чувства национального достоинства, ощущения истории родной страны. Замечу, что уничтожение идеи национальной истории — одно из мощных и важнейших средств глобализации. И экуменизм здесь играет далеко не последнюю роль.

Очень тонко подмечено, что если народ в целом лишит веры, оторвать от его корней (а ведь наши предки были православными, и коль скоро мы от этого отрекаемся, значит, перечеркиваем всю нашу славную историю), то народ погибает. Еще Пушкин говорил: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие, есть первый признак дикости и безнравственности». Так вот, и экуменизм, и глобализация есть насильственное направление народа именно к такому болоту дикости и безнравственности. Русская Православная Церковь, являясь хранительницей нравственности, чистоты веры, бережно относится к истории своего народа. Поэтому она никак не может смириться с попытками втянуть ее в этот процесс обезличивания страны, ведущий к полной деградации и личности, и общества в целом.

Вообще говоря, идея глобализации возникла отнюдь не из-за угрозы нехватки на Земле продуктов питания (чем нас некогда пугал печально известный Мальтус), а потому, что высшей ценностью для человечества сегодня поставлено удовлетворение его по сути «периферийных» физиологических потребностей. И своего предельного развития это достигло в США и Западной Европе. Для того, чтобы поддерживать комфорт на уровне, существующем в этих странах, необходимо затрачивать очень большое количество энергоресурсов. Известно, что США потребляют сорок процентов мировых ресурсов и выбрасы-

вают в экологическую среду более половины мировых отходов. Между тем жители США составляют всего четыре процента от общего населения Земли. Представьте себе, что каждый житель Земли захочет жить на том же высоком уровне комфорта, что и американцы. Тогда попросту произойдет экологическая катастрофа. Земля не выдержит такого техногенного натиска.

Ограничивать собственные потребности — что было бы необходимо осуществлять централизованно, проводя определенную государственную политику, — западный человек не может и не хочет. А теперь представьте себе, что кандидат в президенты США включил бы в свою программу пункт об ограничении потребностей своих избирателей... Он бы с треском провалился на выборах. Просто немыслимо, чтобы западный мир пошел по пути ограничения своих чудовищных запросов. Следовательно, чтобы не произошло экологической катастрофы, Запад должен ограничивать численность населения и уровень материального развития стран «третьего мира» — что мы с вами сегодня и наблюдаем.

Здесь все средства давления «хороши» — религиозные, идеологические, финансовые, экономические, политические, социальные. И все они используются для того, чтобы уничтожить в людях чувство собственного достоинства, ощущение национального сознания. Западу необходимо раздавить в человеке его собственное «я». Он должен стать маленьким винтиком в огромной мировой машине — как в известном романе

Оруэлла «1984 год»: «Большой брат смотрит на тебя». Чтобы человек знал: за тебя подумали — значит, все в порядке. И если ему говорят: «Веруй так» — он будет верить именно так. Он будет поступать, как ему скажут. Будет выбирать, кого ему укажут. Это и сегодня уже так. И при этом человека все время убеждают в том, что он живет в самом свободном и демократическом обществе, какого никогда еще прежде в истории не было. Такое служение злу не может оставаться безнаказанным для его инициатора.

Интересный факт: мы знаем, что многие наши талантливые соотечественники — специалисты в разных областях научного знания, к сожалению, уезжают за рубеж, чтобы получать нормальную заработную плату — раз там такой высокий уровень жизни. А теперь зададимся вопросом, почему в США требуются специалисты из России и других стран? Что, в Америке своих нет? Ведь у них не было ни войн, ни революций... И действительно, там очень много своих специалистов. Оказывается, они не могут готовить таких ученых, каких готовит наша нищая Россия. Казалось бы, наоборот, их специалисты должны разъехаться по всему миру. Кстати говоря, это было бы мощным фактором дальнейшего развития глобализации как процесса объединения всех народов, что принесло бы Америке моральную и материальную выгоду, но все происходит с точностью до наоборот.

Даже в Англии не любят американцев. В одной британской газете в статье о последних бое-

вых действиях в Афганистане говорилось примерно так: «Американцы рассчитывают на свою электронику и на свои бомбы, а мы твердо стоим на земле, опираясь на своих людей и на свой интеллект». Англичанам вообще свойственно чувство национального превосходства над американцами. А таже американская электроника создается руками специалистов, приехавших в США из других стран. Американцы даже и учиться не очень-то хотят. Они ощущают себя примерно так же, как римляне в Римской Империи. Там все основные работы возлагались на интеллект и энергию рабов, что в итоге и стало одной из причин крушения самой Империи.

Процесс глобализации для западного мира есть одновременно и процесс его самоуничтожения. Стремясь к мировому господству и установлению «нового мирового порядка», желая управлять всем человечеством, Запад в то же время собственноручно уничтожает свой духовный, культурный, интеллектуальный и иной потенциал. Хочет кто-то того или нет, но это — одна из универсальных духовных закономерностей: зло в итоге всегда разрушает своего носителя.

«МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НЕТЕРПИМЫ»

— До сих пор речь шла об экуменизме в его крайне широком межконфессиональном — понимании. А вот если говорить о так называемом экуменизме «внутрихристианском», то есть об

отношениях с католиками, протестантами? Ведь они, как будто, тоже христиане? Апостол Павел пишет: «Никто не может называть Иисуса Господом, только как Духом Святым» (1-е послание к Коринфянам 12:3), то есть богочитание Иисуса Христа возможно для человека только при помощи благодати Святого Духа. Но ведь и протестант называет Христа Богом, исповедует Его Сыном Божиим, Одним из Лиц Пресвятой Троицы. Значит, он делает это «Духом Святым»?

— Этот вопрос очень трудно осветить в двух словах. Я попробую ответить так. Широко известны слова Достоевского о том, что красота спасет мир. И если вникнуть в православное вероучение, которое представляет собой огромный пласт человеческого знания и опыта, глубоких религиозных и философских исканий, то все это как раз и можно объединить в одном понятии — красота. Православное вероучение обладает очень глубокой внутренней красотой, и эта красота, как мы твердо верим, лишний раз свидетельствует об его истинности. Даже современное естествознание пришло к мысли, что любая новая научная теория, пытающаяся объяснить некие природные явления, должна обладать некоторыми определенными качествами — в том числе и интеллектуальной (порой математической) красотой. Это — одно из требований к теории. Если она не обладает этим трудноопределимым свойством, которое могут ощутить лишь специалисты, то значит, она неудачна и является

лишь кратковременной гипотезой. Православное вероучение обладает этой потрясающей внутренне самосогласованной красотой. Здесь куда ни посмотришь — везде необыкновенная гармония.

Католичество же и тем более протестантизм резко нарушили эту красоту и гармонию. В этих вероучениях мы находим множество нестыковок — грубых или малозаметных. В них присутствует тонкая ложь и некоторая редукция (снижение идеала), всегда есть приспособление к текущим нуждам живущего в конкретную историческую эпоху человека, который не понимает (или не хочет понимать) подлинного вечного христианского идеала.

— Так действует Дух Святой у протестантов или не действует?

— Где Дух Господень, там свобода (2-е Послание к Коринфянам 3;17). И Он дышит, где хочет (Евангелие от Иоанна 3:8),— как об этом говорит в Евангелии Господь. Не нам ограничивать свободу Божию. Но очевидно, что для каждого, кто исповедует Православие (в одном песнопении так и говорится: «Русь Святая, храни веру православную, в нейже тебе утверждение»), имеется твердое основание не погибнуть. Мы твердо знаем, что нам, православным, дан бесценный дар — наша вера, которую мы должны беречь, хранить и защищать даже ценой собственной жизни.*

* Стихира из службы Всем Русским святым

— *То есть мы можем сказать, что православные спасаются благодаря тому, что они православные, а протестанты, может быть, и будут спасены но вопреки тому, что они протестанты.*

— Да, можно сказать и так.

— *А почему же недопустима молитва с представителями других исповеданий или представление своих храмов верующим в иных богов? Это сегодня очень популярное, модное занятие — особенно на экуменических форумах Всемирного Совета Церквей и других подобных организаций: вроде того известного случая, когда статуя Будды была установлена для молитвы на престоле католического храма в городе Ассизи. Впрочем, общие экуменические моления порой совершаются, так сказать, и «частным» порядком. Известен печальный пример замечательного современного иконописца архимандрита Зинова (Теодора), который решил на личном уровне преодолеть разделение Востока и Запада и причастился во время католической мессы. В результате он был запрещен в служении правящим местным архиереем и до сих пор пребывает, увы, в неопределенном состоянии.*

— Это трагедия. Поступать так, как это сделал отец Зинов, категорически нельзя. Причастие — момент мистический, момент предельного единства человека с конфессией, признание истинности и верности той Церкви, в которой он причащается. Если кто-то причащается у ка-

толиков, то тем самым он считает, что католическое вероучение истинно. Выше мы говорили о том, что католики во многом утратили чистоту и красоту христианского вероучения. Он же, причащаясь у них, по существу отвергает чистоту и красоту Православия, поскольку признает тот искаженный религиозный опыт, что есть у католиков. Тем самым человек отрекается от Православия, и это является для него катастрофой.

Существует такое важное ограничивающее утверждение: послушание выше поста и молитвы. Если Церковь считает, что для сохранения ее чистоты и святости нельзя вступать в столь глубокое общение с инославными, то мы не можем нарушать церковную дисциплину. И если мы ее все же нарушаем, то значит, отрекаемся от единства со своей Матерью-Церковью. Поэтому и становится возможной личная катастрофа, как в случае с отцом Зиноном. Как известно, благими намерениями устлана дорога в ад. Вот и этот самочинник-архимандрит почему-то считал, что своим актом он сделает лучше для всех, преодолет существующее разделение. Конечно, разделение это плохо. Но таким способом оно преодолеваться не может. И этот человек, который, образно говоря, был листочком на древе своей Церкви, от него оторвался и теперь лежит на земле, пожухлый и желтый. Он страдает сам и заставляет страдать окружающих.

Конечно, можно контактировать и с инославными — не входя в области таинственные.

Но только — если ты не рискуешь погрешить против чистоты вероучения своей Матери-Церкви.

— *Наверное, делать это можно лишь в одном смысле: не стремясь к каким-либо компромиссам, а просто пытаясь показать красоту и абсолютную истинность своей веры представителю другой религии.*

— Я могу поделиться здесь своим опытом. Недавно по благословению Святейшего Патриарха Алексия мне довелось в группе других православных священников побывать в Англии, где государственной религией является англиканство. Должен подчеркнуть, что англикане относятся к православным с огромным уважением. Они чувствуют, что Православие хранит то, чего у них нет. Известно, что сегодня в России ежедневно открывается три новых храма. Идет духовное возрождение, народ постепенно возвращается к Церкви. А в Англии напротив — пустые храмы. Хотя церковь там от государства не отделена, а священники получают государственное содержание, люди не хотят идти в храмы. Известный богослов, живущий в Англии, православный митрополит Сурожский Антоний служит в здании бывшей протестантской церкви. Она прекратила свое существование как англиканский храм, и здание решили продать. Владыка Антоний нашел деньги и приобрел его для православного прихода в Лондоне.

Согласитесь, насколько яркий контраст: у нас народ стойко хранит православную веру, а англикане утратили полноту жизни во Христе, впали в ересь. И нас при этом призывают с ними объединиться? Это просто смешно!

— Если бы нас с Вами послушал какой-нибудь представитель западных исповеданий, он, вероятно, сказал бы, что православные крайне нетерпимы, что называть своих протестантских «братьев» еретиками неприлично, ибо это слово ругательное. Так ли это? Может быть, мы действительно выражаемся излишне резко, называя католиков или протестантов еретиками?

— Мы, и правда, в определенном смысле нетерпимы: потому что не можем поступаться чистотой своей веры. Вера это сокровище, которое ценой огромных мученических страданий, молитвенных воздыханий, постнических подвигов передано нам от наших предков. Это дар, который мы должны хранить и которым не имеем права распоряжаться по своему усмотрению, ибо все это принадлежит не только нам одним и заслужено не нами. И потому, когда посягают на нашу веру, мы должны быть нетерпимы. Мы не можем от нее отречься, ибо это окажется изменой и Богу, и Церкви, и нашим далеким и недавним предкам, и нашим потомкам.

Что касается того, бываем ли мы грубы, употребляя слово «еретик» по отношению к тому или иному исповеданию, то здесь следует

сказать вот что. «Еретик» происходит от слова «ересь», означающего в переводе на русский язык «выбор». Значит, эти люди в свое время сделали свой выбор. Пусть и не они сами, пусть даже их давние предки, но выбор сделан, и выбор неправильный. У них нет полноты истины, они выбирают лишь какой-то кусочек, то, что им удобно, все тот-же поиск комфорта. Назвать их еретиками значит просто констатировать факт. Это вовсе не попытка их обидеть: вы выбрали то, что мы, православные, по совести выбрать не можем, и мы это констатируем.

— *Часто говорят: жизнь идет вперед и Церковь тоже должна развиваться. Меняются же общественные традиции, обычаи. Почему же вместе с общественным прогрессом нам немного не подправить, «развить» и церковные догматы? На Западе даже существует богословская теория, согласно которой Бог на протяжении веков открывает Церкви все новые и новые догматы, отчего она все более и более совершенствуется, достигает все большего знания о Боге. Православие это учение отрицает.*

— Я бы ответил так: если считать, что Бог последовательно открывает нам все больше и больше религиозных истин, то, следовательно, наши предки были неполноценны. Значит, преподобный Сергей Радонежский, вероятно, должен был знать меньше о Боге, чем знаю, например я. Я оказываюсь прогрессивнее, «круче»

преподобного Сергия. С духовной точки зрения это попросту смешно — сравнивать мой уровень и уровень преподобного Сергия.

Мы свято верим, что Господь уже открыл полноту истины в Священном Писании и Священном Предании, явившись на землю и Сам живя с людьми. Своими крестным страданием, смертью, воскресением, вознесением Господь открыл людям эту полноту истины. Церковь и хранит эту полноту. Догматы, как и христианский нравственный закон, открыты Церкви раз и навсегда. Конечно, нельзя сказать, что богословская наука должна стоять на месте. Богословие учитывает изменения в мире, обществе и вносит некие изменения в свои методы. Но это не означает, что меняются сами догматы и само вероучение.

«Покорность духу лукавства»

— *Отец Александр, можем ли мы сказать, что сегодняшние «успехи» экуменизма — это еще один шаг на пути к апокалипсису?*

— Безусловно! Когда явится антихрист, он станет мировым правителем и под своей эгидой объединит все мировые религии. Экуменическое движение как раз есть один из признаков приближения антихриста с его начальной целью: свести воедино все религии и возглавить таким образом объединившееся человечество.

Люди тогда окажутся лишены своих индивидуальных, национальных, религиозных качеств. Ведь чтобы «стадом» было можно управлять, нужно всех уравнивать под одну гребенку. Свобода — понятие не демократическое и не политическое, а нравственное. Свобода — это способность пребывать с Богом и хранить свой религиозный идеал в любых условиях. Способность в любых условиях делать правильный выбор, угодный Богу, без учета сиюминутных общественных или личных интересов. И Господь такой свободы личности не подавляет, Он способствует ее раскрытию, помогая человеку в его устремленности к добру. Грех же и нечистые силы — а значит, и антихрист, как их реализация в нашем мире — стремятся обмануть и подавить личность, ограничить эту дивную, дарованную нам Богом свободу.

— Но ведь антихрист будет требовать для себя и божеского почитания, будет ждать, что ему станут поклоняться как Богу. Вероятно, он-то как раз и будет тем божеством, к которому может прийти все человечество через экуменическое соединение всех религий.

— Давайте вспомним значение слова «антихрист». «Анти» означает не только «против», но и «вместо». Антихрист — тот, кто займет место Христа. На земле Господь Иисус Христос — истинный Бог (что бы ни считали представители других вероисповеданий), а антихрист — это са-

мозванец, который присвоит себе имя Божие и назовет себя Христом, не будучи таковым на самом деле. Это грандиозный обман в мировом масштабе. Когда он произойдет, подлинная нравственная свобода окажется полностью подавлена позволением делать все, сотрутся любые нравственные запреты. Лишенное возможности делать осмысленный нравственный выбор человечество — как стадо из безвольных людей, как безликая масса — объединится под властью антихриста. Одновременно насильственно и якобы добровольно.

— И все же: почему идеи экуменизма так близки современной западной цивилизации?

— Потому, что в западной культуре радикальный отход от Христа произошел уже давным-давно. В Англии разграбление храмов, отрицание святых и уничтожение их мощей произошло еще при короле Георге Восьмом в шестнадцатом веке. Во Франции это случилось в эпоху так называемой Великой французской революции, которая оказалась для страны чудовищной катастрофой, разрушившей весь ее национальный и государственный строй. В те времена совершалось страшное оскорбление чувств верующих людей. Так, в один из парижских храмов толпа ввела обнаженной и посадила на церковный престол всем известную блудницу. Там воцарилось состояние нечеловеческой одержимости, сатанинского глумления над христианскими

святынями. Известный «просветитель» Вольтер призывал «раздавить гадину», понимая под этой «гадиной» христианскую Церковь, а значит, и верующих.

В Европе радикальный отход от Христа произошёл несколькими столетиями раньше, чем в России. Но у нас, слава Богу, по милосердию Господню, подвиг верующих людей, мученически отдавших свои жизни за Христа, претерпевших в годы гонений на Церковь страшные страдания, настолько высок, что ныне в нашей стране происходит возрождение Православия. И сегодня Россия опять является тем центром, который может спасти мир. Она способна произвести новое слово. Точнее, даже не новое, а просто глубоко забытое слово Истины — для всего остального мира, отказавшегося от Христа.

— Существует ряд «официальных» экуменических организаций (например, Всемирный Совет Церквей), проводятся многочисленные экуменические ассамблеи. Что можно сказать о духовном смысле всех этих мероприятий?

— Мне кажется, что все это — измена Христу, проявление покорности «духу века сего», духу стяжательства, духу лукавства. К сожалению, экуменизм зародился именно в христианских странах. Он, как некая болезнь, незаметно подтачивает их жизненные силы.

Ничего хорошего из этого экуменического движения получиться не может. Ряд православ-

ных церквей уже из него вышел. Назрел вопрос о выходе из него и Русской Православной Церкви — тем более, что это сняло бы ряд противоречий, препятствующих нашему воссоединению с Русской Православной Церковью за границей.

На фоне всеобщего нравственного упадка это объединение явилось бы ярким свидетельством жизненной силы, правды и исключительности Православия.

“Экуменизм — это общее имя для всех псевдохристиан и псевдоцерквей Западной Европы. И все эти псевдохристиане, все эти псевдоцеркви, не что иное как ереси. Их общее название — всеересь. Ныне, в спешном приготовлении к царству антихриста, экуменическое движение тоже собрало во Всемирном Совете Церквей многие языческие религии и секты, практикующие демонические культы и обряды”.

Архимандрит Иустин (Попович)

* * *

“Когда же дело идет о явном нечестии, тогда, несмотря ни на какие требования времени и властителей, должно скорее идти на огонь и меч, нежели приобщаться лукавого кваса и быть причисленным к зараженным. Всего страшнее — бояться чего-либо более, нежели Бога, и по сей боязни служителю истины стать предателем учения веры и истины”.

Святитель Григорий Богослов

* * *

“Страшное орудие в руках духов — ересь! Они погубили посредством ереси целые народы, похитив у них, незаметно для них, христианство, заменив христианство богохульным учением, украсив смертоносное учение наименованием очищенного, истинного, восстановленного христианства. Ересь есть грех, совершаемый преимущественно в уме. Грех этот, будучи принят умом, сообщается духу, разливается на тело, оскверняет самое тело наше, имеющее способность принимать освящение от общения с Божественной благодатью и способность оскверняться и заражаться общением с падшими духами.

Грех этот малоприметен и малопонятен для не знающих с определенностью христианства и потому легко уловляет в свои сети простоту, неведение, равнодушное и поверхностное исповедание христианства. Уловлены были на время ересью преподобные Иоанникий Великий, Герасим Иорданский и некоторые другие угодники Божии.

Если святые мужи, проводившие жизнь в исключительной заботе о спасении, не могли вдруг понять богохульства, прикрытого личиной, что сказать о тех, которые проводят жизнь в житейских попечениях, имеют о вере понятие недостаточное, самое недостаточное? Как узнать им смертоносную ересь, когда она предстанет им разукрашенной в личину мудрости, праведности и святости? Вот причина, по которой целые общества человеческие и целые народы легко склонились под иго ереси. По этой же причине очень затруднительно обращение из ереси к православию, гораздо затруднительнее, нежели из неверия и идолопоклонства”.

Святитель Игнатий Ставропольский

Содержание

«Все боги язычников — бесы»	3
Бог по имени «комфорт»	5
Глобализация: на пути к «новому мировому порядку»	11
«Мы должны быть нетерпимы»	15
«Покорность духу лукавства»	23

